

Письмо доставил слуга из дома Чэня в руки Чжао Юшэна. Тот, держа конверт, не спешил его вскрывать. Он отнёс послание в травяной павильон и прочёл в полной тишине. Закончив, убрал письмо и не стал сразу отвечать, велел отправить его в Наньси, но Чэнь Юй уже вернулся в Цюаньчжоу, так что было поздно.

В эти дни они жили совсем близко и по логике должны были часто видеться, однако общались лишь письмами. Чэнь Юй боялся отвлекать Юшэна от учёбы, а тот сам выбирал отстранённость.

[Автор хотел бы сказать: Режиссёр: А Шэн, ты никогда не слышал старую поговорку: «Преследуешь жену — попадёшь на погребальный костёр»?]

Господин Саньси:

— Нет, я не... Это не так, не выдумывайте!

Жаркое лето миновало, погода стала свежей. Один из друзей господина Саньси навестил его в Наньси. Им был помощник профессора Хуана из училища при управлении Цюаньчжоу.

В прошлой жизни он был бы тестем Чжао Юшэна, хоть брак в итоге и не состоялся — Чжао Юшэн умер раньше.

Господин Саньси позвал двух учеников составить компанию для прогулки в горы. Среди них был Чжао Юшэн, а также брат Мэн, человек учёный, но несколько книжный. Хотя познаниями брат Мэн и превосходил, речь и манера держаться Чжао Юшэна были куда тоньше, а сам он казался человеком непостижимой глубины. Неизвестно, то ли из-за того, что его батюшка был уездным начальником в Нине, то ли потому, что сам он — потомок императорского рода, но профессор Хуан явно выделял его.

— Я знаком с вашим отцом много лет, в молодости даже довелось вместе корпеть над книгами в храме Шаньмин. Ваш отец — человек, болеющий за всю Поднебесную, один из тех, кем я всю жизнь восхищаюсь.

Вода журчала, водопад сверкал, как серебряная река, брызги долетали до черепичной крыши каменного павильона. Слова профессора Хуана для прочих звучали особенно отчётливо. Чжао Юшэн же почтительно стоял рядом, лишь слушая.

— В Юшэне есть что-то от его отца. Стоит его лишь немного обтесать — и из него выйдет великий человек.

Услышав эту лесть от господина Саньси, Чжао Юшэн подумал, что всё — лишь ответ славы отца.

Даже тот брак в прошлой жизни возник из-за старой дружбы отца с профессором Хуаном. Два старика задумали породниться и сговорились о свадьбе.

Младшая госпожа из семьи Хуан была не по годам развита, к восьми годам уже прославилась в западной части города как девочка-вундеркинд. Так что в этом браке Юшэн, можно сказать, «залетел повыше своего гнезда». На тот момент младшая госпожа Хуан ещё не достигла брачного возраста, так что стать зятем этой семьи было делом будущего.

Когда осенний ветер завыл холодно, У Чу и Цянь У прибыли к Часи, чтобы забрать Чжао Юшэна обратно в уезд. У Чу помогал собирать вещи и обнаружил, что у его молодого господина в сундуке спрятан меч. К тому времени по Цюаньчэну уже разошлась весть: отец Чжао получил повышение за разгром пиратов, а сын его, герой несравненный, лично присутствовал на передовой и руководил боем. Но так как Чжао Юшэн был юн, прежде о нём не слышали как о человеке каких-то особых талантов, да и уезд Нин — место глухое, слухи, добравшись до улиц и переулков Цюаньчэна, совершенно исказились и стали неузнаваемы. Люди в них в основном не верили.

Перед уходом из Академии Сихуа Чжао Юшэн зашёл в покои господина Саньси проститься. Тот задержал его для беседы, говорили они почти полчаса.

В воздухе вился дымок благовоний, обрывисто звучали струны древней цитры. Слова господина Саньси были полны намёков. Он сказал:

— Учеников у меня много, но ты не похож на других. Не жаждешь славы, не веришь в слова мудрецов, но при этом добровольно остаёшься здесь и учишься. Юшэн, чего же ты ищешь?

Чжао Юшэн склонился в поклоне:

— Ученик ищет способность защитить свой дом и сохранить себя.

Звуки цитры смолкли. Господин Саньси поднял голову, глубоко и пристально глядя на ученика, и тихо молвил:

— Юшэн, в грядущие дни не делай ничего, что повредит народу и государству.

Чжао Юшэн подумал, что господин Саньси всё же учил его целый год, исправил несчётное число его сочинений и, возможно, прозрел в нём сокрытую жестокость. Спокойно ответил:

— Ученик никогда не совершит ничего, что опозорит школу учителя.

Почтительно совершив прощальный поклон, Чжао Юшэн поднялся.

Господин Саньси больше ничего не сказал, отпустив его. Он понимал: этого ученика трудно удержать в узде, а его собственные наставления и личный пример оказали на него весьма слабое влияние. Бесспорно, тот умен, но не чтит святых мудрецов, не верит в долг и

справедливость, кажется, следует лишь собственным правилам. Таких людей труднее всего предугадать.

Поклажи у Чжао Юшэна оказалось немало. Цянь У и Цянь Лю взвалили её на коромысла, У Чу повёл лошадь под уздцы, а Чжао Юшэн сел верхом. Так хозяин и трое слуг отправились в путь. У ворот академии Чжао Юшэн попрощался с однокурсниками. За год учёбы в Академии Сихуа сдружился он лишь с Юй Эньтаем.

Юй Эньтай проводил его до перекрёстка и сказал, что в следующем году тоже не вернётся в Академию Сихуа, а планирует отправиться в странствие по Цюаньчжоу, и чтобы, встретившись в будущем, они не забыли друг друга.

— Если брат Юй окажешься в Цюаньчжоу, непременно разыщи меня.

— Договорились, брат Чжао. Не то чтобы я сомневался, но боюсь, брат Чжао по возвращении через несколько дней и думать обо мне забудет.

— Не забуду.

Юй Эньтай энергично замахал рукой. Прожив в одной комнате целый год, на прощание он всё же чувствовал: Чжао Юшэн — человек-загадка. Чувство это возникало оттого, что тот никогда не выказывал своих чувств, и хоть с виду казался общительным, но оставался отстранённым. И кто или что могло бы проникнуть в его сердце — оставалось неизвестным.

В уездном городе отец Чжао, готовившийся сдать дела, был поглощён передачей дел. Увидев, что сын вернулся из Академии Сихуа, он лишь обменялся с ним парой слов. За год, что Чжао Юшэн провёл в уезде Нин, отец редко его наставлял, спокойно доверив воспитание господину Саньси и считая, что сын уже стал прилежным и порядочным юношей. Хотя даже такой прямой человек, как господин Саньси, не всё мог сказать ему напрямую.

В уезде у Чжао Юшэна дел не было, и он порой навещал Чжан И. Приходил он всегда с одной целью — учиться у него фехтованию на мечях. Как оружие для боя на поле брани меч, конечно, уступал сабле в прочности, но в поединке один на один у меча были свои преимущества.

Коли оба были свободны, Чжан И специально занимался с Чжао Юшэном. После нескольких спаррингов Чжан И заметил неладное: фехтование Чжао Юшэна было стремительным, каждый удар нацелен в жизненно важные точки. И это при том, что тот был учёным книжником — а в нём чувствовалась убийственная хладнокровность. Однажды они устроили поединок в заброшенном просторном доме. Схватка была яростной и рискованной. Чжан И, сдерживавший часть сил, замешкался на миг — и клинок Чжао Юшэна уже нацелился ему в горло. Чжан И побледнел от ужаса, вскрикнул, выбив меч, и даже у него выступил холодный пот.

— Молодой господин, учитесь вы у меня фехтовать... Уж не враги ли у вас?

После этого Чжан И серьёзно спросил Чжао Юшэна. Не говоря уж о том, что тот делал невероятные успехи, явно много тренируясь, — сама ярость и безжалостность его ударов заставляла удивляться и настораживаться.

— Нет у меня врагов.

Чжао Юшэн сел на землю, положил меч на колени и стал развязывать нарукавники. Совершенно очевидно, правды он не говорил.

— Я тоже бывал в боях, глядел смерти в лицо, а когда вы только что заносили меч, взгляд у вас был прямо-таки убийственный.

Чёрные нарукавники упали на землю, белые рукава конфуцианской одежды распахнулись. Услышав это, Чжао Юшэн поднялся с мечом в руке, статный, словно бамбук. Он взглянул на лезвие, затем внезапно развернулся, вложив в удар мгновенную силу. Меч взвыл, рассекая ветер, белая тень мелькнула — и он одним движением перерубил стоявшее рядом сухое дерево толщиной в руку. Срез был идеально ровным. Он поднял взгляд на Чжан И и спокойно произнёс:

— Вот так?

Чжан И подумал, что с характером у этого ученика явные проблемы. Попадёт потом в беду, совершит убийство — старик Чжао ведь к нему с претензиями приползёт. И он уже начал жалеть, что научил его обращаться с мечом.

Чжао Юшэн вытер клинок тряпицей и ловко вложил его в ножны. С мечом в руке он поклонился Чжан И и произнёс слова, которые слегка успокоили того:

— Успокойтесь, старший брат Чжан. Учусь я фехтовать лишь для самозащиты, невинных не трону.

Чжан И изнутри очень хотелось сказать: Врёшь! Гляди, убьёшь кого — не вздумай сдавать, кто тебя учил!

Чжао Юшэн, сын начальника уезда Чжао, в глазах жителей Нина был образцом учёности и воинской доблести. Отец, конечно, знал, что сын учится фехтовать у Чжан И, несколько раз видел, как тот возвращался с мечом, но ничего не говорил.

Отец полагал, что потомки императорского рода, сдавая специальные экзамены, часто начинали с мелких должностей в глухих и опасных местах, так что умение постоять за себя лишним не будет.

— Юшэн, когда вернёшься в Цюаньчжоу, если не захочешь идти в школу для императорского клана, можешь учиться у Хуан Мэйшаня. Мэйшань в последнее время свободен.

На обратном пути в Цюаньчжоу отец заговорил с сыном о дальнейшей учёбе. Они отдыхали в длинном придорожном павильоне, пили чай, вокруг толпились слуги.

Хуан Мэйшань, о котором говорил отец, — это тот самый профессор Хуан, тоже живший в Цюаньчжоу. Юшэна снова расписали по полной.

— Отец, я хотел бы учиться дома самостоятельно.

— Тогда выдели себе тихую комнату и занимайся там усердно. И чтобы больше не было, как раньше, — чтобы ты только и делал, что искал приключений на стороне.

— Не посмею.

[В следующем году ты снова отправишься на службу, на сей раз далеко, так что уж как я буду в Цюаньчжоу хозяйничать — тебе и не узнать.]

<http://bllate.org/book/15279/1348827>